

Перевод Юлии Пугаченковой

ДЕВУШКА С НИЖНЕГО ЭТАЖА

Стейси Ли

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Adult

МИФ

Один

Быть душкой — все равно что оставить дверь нараспашку. Рано или поздно какой-нибудь праздношатающийся обязательно стащит твою лучшую шляпку. У меня только одна шляпка, да и та уродливей раздавленной вороны, и если кто-то украдет это посмешище, оно будет давить ему не только на голову, но и на совесть. И все-таки свои границы нужно отстаивать. Особенно если речь идет о чьей-либо ценности.

Сегодня я попрошу прибавку.

— Будешь так таращиться на мостовую — она начнет дергаться, — одаряет меня сверкающей улыбкой Робби Уизерс. С тех пор как странствующий дантист вырвал Робби гниющий зуб и предупредил, что можно лишиться и остальных зубов, если их не чистить, Робби берется за щетку дважды в день и ждет от меня того же.

— Люди недооценивают мостовую, а ведь благодаря ей дорога становится ровнее, — отвечаю я, глядя в смеющиеся карие глаза Робби — как и его кожа, по цвету они напоминают орлиные перья. — Нам стоит чаще выражать ей свою признательность.

Робби с важным видом вытягивает руку по направлению к земле.

— Мостовая, мы вам премного благодарны, хоть на вас и сыплются лепешки. — С этими словами Робби отталкивает меня от кучи навоза. Когда я была совсем крошкой, меня выкармливала мать Робби, упокой, Господи, ее душу. Она-то и рассказала Старине Джину о тайном подвале типографии.

Над верхушками деревьев, высаженных вдоль Уайтхолл-стрит, «хребта» Атланты, высятся величавые кирпичные и солидные каменные здания, среди которых нет-нет да и встретится дом в викторианском стиле, не желающий уступать свое место. После того как четверть века назад войска Шермана спалили город, он, словно длиннохвойная сосна, стал расти еще быстрее и теперь процветает.

— Какой-то ты сегодня странный. — Я нарочито пристально оглядываю Робби от кепки до коричневых штанов. — Ничего не забыл? — Непривычно видеть Робби без телеги с мулом, на которой он развозит заказы из магазина Баксбаума.

— У нас нет продавца. Мистер Баксбаум позволил мне постоять за прилавком, пока не найдут кого-то другого. — Робби одергивает полосатый пиджак, который и так сидит на нем как влитой.

— Да ну!

Мистера Баксбаума обожают все, независимо от цвета кожи, но в наших краях должность продавца может получить только белый.

— Если я хорошо себя проявляю, то, быть может, это станет моей постоянной работой. — Робби натянуто улыбается.

— Невозможно чего-то добиться, сидя на одном месте. Ты создан для этой работы. Я сама все собираюсь попросить у миссис Инглиш прибавку.

Робби негромко присвистывает.

— Будь миссис Инглиш хоть немного разумна, она бы согласилась. Но, конечно, местные жители не отличаются здравомыслием.

Я киваю, чувствуя, как от возмущения кровь в моих жилах начинает течь быстрее. Два года я работала помощницей модистки за те же пятьдесят центов в день. Жалкие гроши. А на дворе уже 1890 год. Да и Старина

Джин слишком похудел, и мне нужно купить ему лекарство — не какие-нибудь бесполезные пилюли или порошок из конского каштана, а что-то действенное. А за все действенное нужно платить.

Мимо проезжает новшество — электрический трамвай, и когда пассажиры замечают меня, на их лицах возникает недоумение разной степени. Восточная внешность в сочетании с западной одеждой всегда заставляет людей метаться между любопытством и порицанием. Обычно они останавливаются на порицании. Мне следовало бы брать с них плату за возможность поглазеть на меня. Конечно, пришлось бы делиться выручкой с Робби, не отрывающим глаз от тротуара: шестифутовый рост моего друга тоже привлекает всеобщее внимание.

Остановившись, Робби сплющивает кепку так, что на ней можно играть в шахматы.

— Мне пора. Удачи, Джо.

— Спасибо, но и тебе она тоже пригодится.

Подмигнув мне, Робби сворачивает в узкий переулок, ведущий к задней двери магазина Баксбаума. Старина Джин говорит, что с тех пор, как я родилась, все стало только хуже. Когда старый добрый президент Хейс возвратил Югу «местное самоуправление», демократы постановили, что отныне цветному населению полагается ходить по переулкам, а это многое говорит о происходящем.

Расправляя рукава красно-коричневого платья, которые потеряли форму и висят, словно пара опустошенных легких, я прохожу еще квартал и оказываюсь у шляпной мастерской миссис Инглиш. Она располагается между свечным магазином и лавкой семян, а значит, у дверей мастерской может пахнуть либо католической церковью, либо люцерной — смотря откуда дует ветер. Но сегодня воздух еще недостаточно нагрелся, чтобы пропитаться запахами. Окна магазина чисты,

словно глаза Господа, — такими я их и оставила вчера вечером, выложив на витрину пару лиловых шляпок. Лиловый сейчас в ходу.

Минуя главный вход, я, как и Робби, плетусь к задней двери. Теперь людей не так заботит, в какую дверь входят китайцы, — не то что в послевоенные времена, когда на замену рабам с плантаций в страну привезли батраков. Наверное, мы для белых что-то вроде божьих коровок: если нас мало — ничего страшного, но если слетается целый рой, становится нехорошо.

У задней двери оставлены три коробки, и я подбираю их, прежде чем войти. Заметив, что Лиззи примеряет едва законченную «изящную» шляпку, над которой я так долго корпела, я останавливаюсь на полпути. Что Лиззи делает здесь в такую рань? Обычно она еле успевает к девяти часам, когда открывается магазин, а сейчас еще нет даже восьми с четвертью.

— Доброе утро. — Я ставлю коробки на рабочий стол, уже заваленный обрезками фетра. Еще не успела высохнуть краска на афишах, возвещающих благотворительные скачки, а у нас уже полно заказов. Во время Великого поста мода не должна играть такую важную роль, но ради главного события года Бог закроет на это глаза. Хозяйка наверняка снова попросит меня задержаться или поработать без обеда, а сама улизнет, чтобы пропустить рюмочку ликера из коки. Что ж, без прибавки я на это не согласна.

— Миссис Инглиш хочет с тобой поговорить, — хрипло произносит Лиззи. Она проводит рукой по пучку пегушиных перьев, которые я накрепко приладила к элегантной шляпке. Пшеничные локоны Лиззи тут и там выбиваются из-под полей.

Я снимаю длинный плащ и черную шляпу, сделанную, вероятно, неуклюжими руками Лиззи, — она оказалась непригодной для продажи, и миссис Инглиш уступила

ее мне по сниженной цене. Затем повязываю кружевной фартук.

Бархатная занавеска, отделяющая мастерскую от магазина, резко съезжает в сторону, и перед нами предстает миссис Инглиш.

— Вот ты где, — раздается ее надменный учительский голос.

Я смахиваю пыль со своего серо-коричневого рабочего чепчика.

— Доброе утро, мэм. Я кое-что придумала. Почему бы вместо этих шляпок от поганки нам не носить наши последние модели? Только посмотрите, как Лиззи идет моя изящная шляпка...

Миссис Инглиш хмурится.

— Надевайте чепцы. Обе.

— Да, мэм, — отвечаем мы с Лиззи в унисон. Я набрасываю чепец на голову. О прибавке нужно поговорить сейчас, *прежде* чем миссис Инглиш заставит меня задержаться вечером, — тогда хозяйка не подумает, будто я так реагирую на то, что приходится перерабатывать. Я провожу ладонями по юбке.

— Миссис Инглиш...

— Джо, я больше не нуждаюсь в твоих услугах.

— Я... — До меня долетают ее слова, и я захлопываю рот. Больше не нуждается... Неужели я... Уволена...

— Мне нужна только одна помощница, и Лиззи отлично справится с этой работой.

Лиззи резко втягивает воздух. Ее обычно заspanные глаза распахиваются так, что в них может залететь мош-кара.

— Лиззи, вскрывай-ка посылки. Кажется, в одной из них должна быть новая болванка для канотье, — произносит миссис Инглиш, сделав неопределенный жест рукой.

— Да, мэм. — Лиззи в поисках ножа с грохотом выдвигает ящики.

— Н-но... — Повернувшись к Лиззи спиной, я перехожу на шепот: — Миссис Инглиш, я научила ее всему. Фетровые шляпки получаются у меня вдвое быстрее, чем у нее, и я никогда не опаздываю, а еще вы говорили, что я хорошо подбираю цвета.

Я не могу потерять работу. После того как меня уволили в прошлый раз, я два года пыталась куда-нибудь устроиться надолго, а сущих грошей, которые Старина Джин зарабатывает в конюшне, нам вдвоем никак не хватит. Снова придется жить впроголодь, ощущая, что еще немного — и конец. Почувствовав, что к горлу подступают отчаянные рыдания, я принимаюсь глубоко дышать.

Нам хотя бы есть где жить. В нашем доме сухо, тепло, и с нас не требуют арендной платы — вот такое преимущество имеется у жизни в чужом подвале. А если тебе есть где жить, значит, тебе есть где строить планы и мечтать.

Миссис Инглиш вздыхает — делает она это довольно часто. Ее пышная грудь живет своей жизнью: иногда она величаво выпячивается, а иногда часто и взволнованно вздымается, например когда к нам заходит жена мэра. Сегодня корсет миссис Инглиш проходит испытание на прочность ее прерывистым дыханием. Она смотрит на меня снизу вверх прищуренными слезящимися глазами.

— Некоторым покупательницам при виде тебя становится неловко.

Каждый слог этого слова отвешивает мне пощечину — *не-лов-ко*, и по всему телу, от головы до пяток, словно расплавленный чугунок, разливается обида. Но я же *хорошо* делаю свою работу. Жена адвоката назвала шелковые узлы, которые я завязала на ее шляпке, шедевральными. Чем же я так не угодила? Я всегда мою с мылом даже те места, которых не видно. Я собираю черные волосы

в опрятную прическу и, благодаря Робби, каждый день чищу зубы порошком корня солодки. Я не лентяйка, как Лиззи, и не гордочка, как миссис Инглиш. Вообще говоря, в нашей троице я безобиднее всех.

— Потому что я... — Я подношу руку к щеке, гладкой и желтоватой, как азиатская степь.

— Я знаю, что ты не в силах этого изменить. Такая уж у тебя судьба. — Миссис Инглиш заглядывает мне в глаза — такие же круглые, как у нее, только сужающиеся к уголкам. — Но дело не только в этом. Ты... нахалка. — Она косится на мой чепец, и я начинаю жалеть, что назвала его шляпкой от поганки. — Ты не понимаешь, когда нужно оставить свое мнение при себе.

Миссис Инглиш откидывает голову, и кожа на ее шее собирается в складки.

— Женщины хотят слышать комплименты. А сообщать им о том, что у них болезненный вид, квадратная челюсть или широкое лицо, вовсе не обязательно.

Если бы я в какой-то шляпке становилась круглолицей, я бы предпочла узнать об этом до того, как куплю ее. Лиззи всегда высказывает свое мнение. Буквально на прошлой неделе она посоветовала даме с бугристой головой навсегда отказаться от шляпок. Тогда миссис Инглиш просто улыбнулась. Мне не терпится высказать свое мнение о мнении миссис Инглиш, но это только подтвердит ее правоту.

— Я всего лишь хотела помочь им принять верное решение. — Я изо всех сил стараюсь не выдать своего негодования, но у меня дрожит голос.

— Что ж, очевидно, что держать тебя здесь — решение неверное. Сегодня твой последний рабочий день. Не усложняй эту и без того непростую ситуацию. Я уверена, что ты без труда устроишься куда-нибудь горничной или еще кем-то в этом роде.

Горничной? Я делаю глубокий вдох. Теперь такая работа кажется недостойной, хоть я и не в том положении, чтобы привередничать.

— Но точно не помощницей в шляпной мастерской. — Миссис Инглиш вонзает булавку еще глубже. — Я уже поговорила со всеми модистками, и ни одна из них тебя не наймет.

Хотя все шестнадцать модисток, украшающих головы жительниц Атланты, соперничают между собой, они держатся друг за друга так же крепко, как и прилаживают к шляпкам ленты. Что-то с грохотом падает на пол, но извинения Лиззи, уронившей болванку для канотье, звучат откуда-то издалека. Меня занесли в черный список. Так заведено: когда прислужниц увольняют, их заносят в черный список, пусть даже они не сделали ничего, чтобы это заслужить, — только каждый день стирали руки до костей, приходили на работу ни свет ни заря, уходили за полночь, убирали за другими и терпеливо перешивали неудачные строчки. Я едва дышу.

— Н-но я...

— Не могу допустить, чтобы ты разболтала мои секреты.

Звякает дверной колокольчик, и миссис Инглиш спешит в ту часть мастерской, где располагается магазин.

Я вытираю рукавом полные слез глаза. А ведь когда-то я восхищалась добротой поверившей в меня миссис Инглиш.

Хозяйка мастерской заглядывает за занавеску со словами:

— Джо, тебя спрашивает одна дама.

Я проглатываю ком в горле.

— Меня?

Ко мне никто никогда не приходил. Да и для покупателей еще слишком рано.

— Вернее, она спрашивает «китайнку». Я сразу подумала о тебе. Поторапливайся.

Вытерев лицо, я следую за миссис Инглиш. По другую сторону дубового прилавка стоит женщина в сером костюме с небольшим турнюрком и в белой блузе с высоким воротником. Из узких плеч вырастает тонкая шея, на скуластом лице выделяется острый подбородок. Рано поседевшие волосы собраны в узел.

Я вздыхаю. Это миссис Белл, моя соседка сверху. Все это время мы скрывались от издателя и его родни, но я подглядывала за ними в окна печатного цеха. Светло-серые глаза миссис Белл скользят по мне, и я почти слышу, как рушатся стены нашего подземного жилища. С улицы доносится щелканье кнута. Раздается рев мула, и остатки моих надежд улетучиваются.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

